

18+

Денис Сокол

Не его расписание

Роман о жизни между домом
и вахтой

Денис Сокол

**Не его расписание. Роман
о жизни между домом и вахтой**

<https://litres.ru/74591193>

ISBN 9785007144896

Аннотация

Андрей Ковалёв работает монтажником на крупном объекте в Египте. Вахта даёт ему ясный график, понятную задачу и работу, которую можно закончить к концу смены. Дома остаются Ольга, дети и вопрос, который всё труднее отложить до следующего рейса.

Пытаясь построить цифровое дело для строительных подрядчиков, Андрей берёт на себя больше, чем способен выдержать между сменами.

«Не его расписание» — современный роман о семье, работе и попытке перестать начинать заново.

Содержание

Не его расписание	5
Глава 2. Не его расписание	21
Глава 3. Песня, которой не было	37
Глава 4. Возвращение в готовую жизнь	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Не его расписание Роман о жизни между домом и вахтой

Денис Сокол

© Денис Сокол, 2026

ISBN 978-5-0071-4489-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не его расписание

Денис Сокол

Глава 1. Рабочий допуск

Опора не садилась на место.

Андрей видел это по зазору между башмаком и металлом, хотя сверху всё выглядело почти нормально. Труба лежала вдоль эстакады тяжёлая, свежепокрашенная, с белыми заводскими отметками. У фланца уже наживили болты. Ещё немного, и кто-нибудь обязательно сказал бы: подтянется.

— Стой, — сказал Андрей.

Сергей не услышал. Или сделал вид, что не услышал. Он уже поднял ключ, и Андрей стукнул ладонью по трубе. Звук получился глухой, без всякой пользы, зато Сергей обернулся.

— Не тяни. Опора пустая.

— Где пустая?

— У тебя перед носом.

Сергей присел, посмотрел с одной стороны, потом с другой. Снизу тянуло пылью, мелкой и сухой. Она забивалась в складки спецовки, липла к потным запястьям и скрипела на зубах, если не закрыть рот вовремя.

— Да сядет она, — сказал Сергей. — Сейчас фланцем подберём.

— Фланец тебе не домкрат.

— На два миллиметра.

— Вот и выставь два миллиметра.

Сергей посмотрел на часы поверх перчатки. Было без четверти двенадцать. До обеда оставалось пятнадцать минут, и весь участок уже двигался чуть быстрее, чем следовало. Не настолько, чтобы это можно было предъявить. Просто движения становились короче, разговоры громче, а вещи, которые в девять утра обязательно переделали бы, к полудню начинали казаться приемлемыми.

Андрей знал это состояние. Он и сам хотел закончить. С утра они ждали смежников, потом не могли найти нужную стропу, потом оказалось, что одну прокладку выдали не ту. Всё обычное, ничего особенного. Но если сейчас стянуть фланец, труба запомнит чужое положение. Может, и простоит. А может, на проверке инженер ткнёт пальцем в опору и спросит, кто собирал.

— Снимай натяг, — сказал Андрей. — Приподнимем и подложим как положено.

— До обеда не успеем.

— Значит, после обеда доделаем.

— Хорошо тебе. Ты сегодня философ.

— Я сегодня голодный. Философом буду после макарон.

Сергей фыркнул и позвал стропальщика. Андрей отошёл на шаг, проверяя, куда уйдёт труба, когда ослабят крепление. Она была не огромная, но достаточно тяжёлая, чтобы

не прощать привычку держать руки где попало. Он показал Сергею ладонью: сюда не лезь. Тот кивнул уже без спора.

Поднять. Освободить. Проверить отметку. Подогнать пластину под башмак. Опустить без перекаса. Потом ещё раз посмотреть, прежде чем наживлять болты.

Вокруг шёл обычный объектный день. По бетону пятился погрузчик, пищал на всю площадку. Где-то резали металл. Снизу проехал автобус с затемнёнными окнами, поднял серую муть и скрылся за временными ограждениями. Ветер был прохладнее, чем неделю назад, но под каской всё равно мокли волосы. Море находилось где-то за корпусами и складами. Андрей иногда чувствовал его по сырому привкусу воздуха, но сегодня пахло только пылью, краской и нагретым металлом.

— Ещё чуть вверх, — сказал Андрей стропальщику. — Всё, держи.

Сергей подал пластину. Андрей попробовал её, вынул, взял другую. Подошла вторая.

— Вот теперь твои два миллиметра.

— Зато я бы уже ел.

— Ты и так ешь за троих. Тебе полезно подождать.

— Завидуешь организму.

Они закончили к двенадцати десяти. Последними спустились с участка, продули перчатки, вытерли лица. В столовой Сергей действительно взял две порции макарон и котлету сверх того, что положили сначала.

— Организм, — напомнил он кассиру, будто она спрашивала.

Андрей сел напротив. За соседним столом спорили о билетах. У одного вылет сдвинулся на сутки, другой говорил, что это ещё хорошо: у них в прошлую смену человек три дня сидел в городке и ждал места. Кто-то ругал связь. Кто-то передавал солонку.

— Тебе сколько осталось? — спросил Сергей с полным ртом.

Андрей прикинул, хотя знал и без того.

— Без малого четыре недели.

— С мелочью?

— Двадцать семь дней.

— Уважаю людей, которые не считают.

— Я не считаю. У меня приложение считает.

Телефон лежал в шкафчике. В приложении было двадцать семь дней, несколько часов и минуты, которые Андрей не смотрел. Смотреть минуты было уже неприлично.

— А у меня сорок один, — сказал Сергей. — Я ещё молодой.

— Ты уже второй раз эту цифру называешь.

— Потому что вчера было сорок два. Динамика положительная.

После обеда приняли смежники. Не сразу. Сначала пришёл молодой мастер, посмотрел на фланец, посветил телефоном под опору и сказал, что, по его мнению, можно бы-

ло не поднимать. Андрей ничего не ответил. Мастер ещё раз посветил, провёл пальцем по краю пластины, потом вызвал инженера контроля.

Тот был египтянин по имени Халед, сухой, аккуратный, всегда с чистыми защитными очками. По-русски он знал десятка два рабочих слов и произносил их с одинаковой серьёзностью. Андрей с ним объяснялся смесью жестов, терминов и простого английского, которого для площадки хватало.

Халед посмотрел отметки, попросил рулетку, проверил положение опоры. Потом поднял большой палец.

— Good. No load.

— No load, — подтвердил Андрей.

Молодой мастер кивнул так, словно именно этого и добивался. Сергей отвернулся, чтобы не засмеяться.

Когда Халед ушёл, мастер задержался у трубы.

— А что было? — спросил он уже без прежней уверенности.

— Башмак висел, — сказал Андрей. — Стянули бы, нагрузили соединение. Не факт, что сразу вылезло бы. На следующем участке получили бы уход и начали искать, откуда.

Мастер снова посветил под опору, хотя теперь там смотреть было нечего.

— По схеме проходило.

— По схеме всё проходит. На месте иногда не хочет.

Андрей сказал это без желания поддеть. Молодой был

нормальный, просто торопился показать, что контролирует участок.

Сергей дождался, пока тот отойдёт.

— Видел лицо? «А что было?»

— Нормальное лицо.

— Ты добрый сегодня.

— Закручивай давай.

Они вернулись к болтам. Андрей наживил первый, проверил, чтобы шайба легла ровно, перешёл на противоположный. Здесь нельзя было просто пройти по кругу, хотя рука сама просила сделать именно так. Они равномерно выбрали слабинку, не переходя к окончательной затяжке: та пойдёт отдельно, по процедуре. Сергей работал с другой стороны, и ключи у них двигались почти одновременно.

Андрей показывал следующий болт, Сергей кивал, оба меняли положение.

На последнем проходе Сергей остановился и потёр правое запястье.

— Забилось?

— Нормально.

— Дай сюда.

— Сам сделаю.

— Тогда не кривись.

Сергей выругался, но ключ передал. Андрей закончил два болта, вернул инструмент и ничего больше не сказал. На объекте помощь лучше всего принималась, если не называть её

помощью.

Потом они прошли соединение ещё раз. Андрей отмечал проверенное мелом. Обычная белая черта, которую к вечеру сотрёт рукавом или засыплет пылью. Для бумаги она ничего не значила, зато в работе сразу было видно, где уже смотрели, а где только собирались.

К трем часам подошёл другой участок и попросил вороток. Андрей записал фамилию на картонке, висевшей внутри инструментального ящика.

— Мы вернём, — сказал рабочий.

— Поэтому я и записал.

— Не доверяешь людям.

— Людям доверяю. Вороткам нет. Они сами уходят.

Через час вороток вернулся.

Дальше день пошёл быстрее. Они затянули соединение в нужном порядке, поставили метки, убрали инструмент. Андрей заполнил свою часть бумаг, вернулся проверить одну мелочь и обнаружил, что проверил её ещё до обеда.

В половине шестого он присел на бетонный блок и вытянул ноги. До конца оставалось ещё полтора часа. Ступни горели в ботинках. Сергей молча сел рядом и протянул бутылку воды. У своей он оторвал этикетку и сворачивал её в тугой рулончик.

— Завтра опять сюда, — сказал он.

— Знаю.

— Сразу на нашу нитку?

— Если допуск подпишут. После смены в магазин надо.

— Романтика.

— Порошок закончился.

— У меня есть.

— Твой порошок носки не берёт.

— Их уже ничто не берёт.

Андрей засмеялся. Смех вышел короткий, но настоящий. Потом поднялся, потому что сидеть до конца всё равно не дадут, а вставать второй раз будет тяжелее.

К семи участок был сдан. Инструмент пересчитан. Замечание, ради которого утром можно было потерять полдня, занимало в бумагах одну строчку. Андрей расписался там, где показал мастер, снял очки и только у проходной понял, как давит каска. На лбу осталась полоса.

Он любил это короткое время после сдачи. Не саму усталость, конечно. И не автобус, в котором пахло чужой спецовкой. Ему нравилось, что день закрыт. Утром было то, чего ещё не существовало, а вечером оно стояло на месте, закреплённое, проверенное, отмеченное. Можно было не гадать, хорошо ли ты провёл день. Для этого были допуски, размеры, подписи, человек с чистыми очками.

Сегодня всё сделали нормально.

Андрей устроился у окна и упёрся каской в колени. Автобус тронулся рывком. Сергей сразу закрыл глаза. Через проход двое смотрели на телефоне футбольный обзор без звука. За стеклом прошли склады, бетонные ограждения, ряды

прожекторов. Пыль стелилась низко, и автобус входил в неё, как в туман, только туман не хрустел потом на губах.

Телефон поймал сеть не сразу. Когда появились сообщения, Андрей сначала открыл рабочую группу. Мастер уже прислал фотографию узла и короткое: «Принято». Ни похвалы, ни претензии. Так и должно быть.

Потом он открыл семейный чат.

Там за день накопилось немного. Ольга сфотографировала ценник на стул и спросила Дарью, не такой ли она смотрела. Дарья ответила ссылкой на другой. Между ними стояло Павлово «а есть хлеб», на которое Ольга успела ответить фотографией пакета на кухонном столе.

В Беларуси было на час позже. Пока доедут, пока душ, уже начнётся обычная домашняя беготня перед сном.

Сейчас позвонить раньше не получилось.

Он проверил время и убрал телефон. Впереди оставались проходная городка, ужин, душ. Если набрать Ольгу из автобуса, Сергей будет сопеть рядом, а сзади обязательно кто-нибудь заорёт про остановку. Лучше из комнаты.

Автобус качнуло на неровности. Каска ударилась о колесо. Андрей снова посмотрел на рабочую фотографию. Опора стояла ровно. Хорошо, что не послушали Сергея. Хотя Сергей и сам знал, что хорошо. На площадке люди могли спорить сколько угодно, но после правильного результата спор обычно заканчивался.

В городке автобус остановился у жилых корпусов. Муж-

чины потянулись к выходу, задевая сумками и касками спинки кресел. Сергей проснулся мгновенно.

— В магазин завтра после смены?

— Если автобус не задержат.

— Возьми мне порошок.

— Твой организм не донесёт?

— Он будет восстанавливаться.

— С тебя деньги.

— Запиши на опору.

Они разошлись у подъезда. Андрей поднялся на свой этаж, открыл дверь и первым делом снял ботинки. В квартире было тихо. Сосед по комнате ещё не вернулся: его бригада уходила позже. На кухне кто-то оставил кружку в раковине и пакет хлеба на столе. Кондиционер гудел в общей комнате, хотя вечером уже можно было обойтись без него.

Андрей взял чистую одежду и пошёл в душ.

Горячая вода сначала ударила по плечам почти больно. Он стоял, опустив голову, и смотрел, как с рук уходит серая вода. Пыль забралась под манжеты, в волосы, за ворот. После душа на месте ремня каски всё равно чесалось. Он вытерся, надел шорты и футболку, бросил спецовку в отдельный мешок. До стирки завтра.

В столовую возвращаться не хотелось. Он разогрел в микроволновке контейнер с курицей и рисом, который взял днём, нарезал огурец. Из холодильника достал банку джин-тоника. Она была холодная, запотела сразу. Андрей сделал

несколько глотков стоя, пока грелась еда, и почувствовал, как день начинает отпускать плечи.

Андрей поел, вытер стол и позвонил Ольге. Она ответила не сразу. Сначала он увидел потолок, потом край шкафа, потом её лицо.

— Подожди, руки вытру.

Камера качнулась. Послышалась вода.

— Я не вовремя?

— Нормально. Мы только закончили.

— Что закончили?

— Да тут... Павел кружку разбил, убрали.

Издаലെка донеслось:

— Не я!

— Не он, — сказала Ольга. — Кружка сама решила.

— Вечер удался, — сказал Андрей.

— Очень. Особенно финальная часть.

Она улыбнулась. Волосы были собраны кое-как, на щеке осталось влажное пятно.

— У меня сегодня красиво стоял пакет с мусором. Никто не выносил, берегли для тебя.

— Вот приеду и сразу вынесу.

— Договорились. До апреля не трогаем.

Он засмеялся. Ольга тоже, но тут же повернула голову:

— Паш, тапки надень. Пол мокрый.

Камера снова съехала. Андрей видел кухню кусками: лампу, дверной проём, край стола. На столе лежали квитанции,

раскрытая тетрадь Павла и мокрое полотенце, которым только что собирали воду с пола.

В кухню вошла Дарья, потянулась к чайнику и наклонилась к экрану.

— Привет, пап.

— Привет. Что за стул выбираете?

— Не стул. Кресло.

— На стул похоже.

— Потому что это фотография стула. Мама не то скинула.

— Я вариант скинула, — возразила Ольга.

— Я же написала, что не такой.

— А второй удобнее? — спросил Андрей.

Дарья налила воду в кружку.

— Не знаю, отзывов мало. Я ссылку уже скинула. Потом посмотришь, пап, я сейчас ухожу.

— Сейчас?

— Я к Насте. Она через два дома живёт.

— Надолго?

— Я предупредила маму.

Ольга повернула телефон чуть к себе.

— Она предупредила.

— Я просто спросил.

— Я просто ответила, — сказала Дарья и улыбнулась, чтобы это не звучало спором. — Всё, пока.

— Куртку застегни, — сказал Андрей.

— Обязательно.

Она ушла. Чайник остался на столе, Ольга крикнула ей вслед, та вернулась, выключила его и снова исчезла из кадра.

— У вас весело, — сказал Андрей.

— Обычный вечер.

Появился Павел, посмотрел в экран и сразу отвлёкся на что-то за дверью.

— А ты когда приедешь?

Вопрос прозвучал без тоски. Павел уже отвлёкся на что-то за экраном.

— Через двадцать семь дней. Шестого буду дома.

— А пятого?

— Пятого ещё в дороге.

— Ясно. Мам, можно я возьму отвёртку?

— Нельзя, — одновременно сказали Ольга и Андрей.

Павел засмеялся.

— Даже отсюда достал, — сказал Андрей.

— Так он специально при тебе спросил, — сказала Ольга.

Павел убежал. Они остались вдвоём, насколько можно было остаться вдвоём через экран посреди кухни.

— Ты как? — спросила Ольга.

— Нормально. Сегодня участок закрыли.

— Это хорошо?

— Хорошо. Завтра опять туда.

— Значит, пора спать.

— После смены ещё в магазин. Порошок, вода.

— Не забудь опять.

— Постараюсь.

Он мог рассказать про опору. Ольга выслушала бы, спросила бы что-нибудь. Но пришлось бы объяснять, почему два миллиметра имели значение, кто такой Халед и отчего Сергей опять хотел успеть к обеду. Андрей решил не начинать длинную историю на ночь.

— Устал? — спросила Ольга.

— Есть немного.

— Тогда отдыхай. Я ещё кухню домою и Пашу уложу. Завтра созвонимся нормально.

— Давай.

— Спокойной ночи.

— И тебе.

Она на секунду задержалась перед тем, как отключиться, и послала ему воздушный поцелуй — быстро, почти смутившись собственного жеста. Андрей поймал его ладонью. Экран погас.

В чате появилась ссылка от Дарьи на кресло. Андрей открыл её, увидел цену, увеличил фотографию и закрыл. По картинке кресло выглядело таким же, как первое, только дороже. Завтра посмотрит внимательнее.

Сосед всё ещё не вернулся. Андрей взял банку и вышел на общую лоджию. Курить в комнате запрещали, да он и сам не любил, когда дым оставался в вещах.

На улице гудела вентиляция. Между корпусами прошли двое мужчин в шлёпанцах, один нёс пластиковый пакет с бу-

тылками. За оградой городка двигались редкие фары. Никакого моря отсюда не было видно.

Андрей закурил. Джин-тоник почти закончился и уже нагрелся. Он допил его из принципа, поморщился и поставил банку на пол.

В рабочей группе мастер прислал план на завтра, потом удалил и прислал другой: смежники переставили допуск на час раньше. Следом Сергей отправил фотографию двух тазиков с чем-то жареным и подпись: «Организм восстанавливается». Кто-то ответил неприличной картинкой.

Андрей убрал телефон в карман.

Смена закончилась нормально. Узел приняли, замечаний не осталось, деньги за день начислят. Двадцать семь дней станут двадцатью шестью.

Он представил квартиру дома кусками, которые только что видел: мокрый пол на кухне, квитанции, чайник Дарьи, Павлов вопрос про хлеб. Через двадцать семь дней он поставит сумку в прихожей, разберётся со стулом или креслом. Вынесет пакет с мусором, если они действительно решат хранить его до апреля.

Он здесь ради денег. Чтобы дома было нормально: не считать каждую покупку, сделать то, что давно откладывали, иногда куда-нибудь выехать всей семьёй.

Андрей докурил, затушил сигарету и постоял ещё немного. Внизу хлопнула дверь. Кто-то позвал Рому, из другого окна ответили.

Зарабатывать — чтобы жить. Это понятно. Только когда? Андрей нахмурился. Что значит «когда»? Сегодня он что, не жил? Работал, обедал, смеялся над Сергеем. Глупый вопрос.

До возвращения оставалось двадцать семь дней. Дальше он считать не стал.

Андрей поднял банку и окурок, вернулся в квартиру, выбросил одно в мусор, другое в пепельницу у двери. Умылся ещё раз, хотя уже принимал душ. Поставил телефон на зарядку. Будильник стоял на 5:25.

В темноте он вернулся к этому короткому «когда» и снова разозлился. Завтра вставать в половине шестого.

Через несколько минут Андрей уснул.

Утром будильник сработал в 5:25. Андрей выключил его до второго сигнала, сел на кровати и несколько секунд смотрел в тёмное окно. За стеной сосед шуршал пакетом и кашлял. Внизу уже работал автобус — ровно гудел двигатель.

Носки лежали на спинке стула, чистая спецовка — в шкафу, пропуск — рядом с телефоном. Всё остальное можно было оставить до вечера.

Андрей умылся, оделся и спустился к автобусу.

Глава 2. Не его расписание

На листке было семь пунктов.

Андрей держал его на колене и дописывал восьмой, пока автобус стоял у проходной. Починить кран в ванной. Посмотреть Дарьино кресло. Забрать зимние колёса. Перевесить полку у Павла. Съездить с Ольгой за краской. Остальные три пункта он уже не мог разобрать: писал утром, на ходу, в перчатках.

До возвращения оставалось девятнадцать дней. Если не записывать заранее, дома первые два дня уйдут на разговоры, сумки и сон, а потом окажется, что месяц короткий.

Вчера Ольга спросила, помнит ли он про зимние колёса. Андрей помнил — только не мог сказать, в какой именно день собирался за ними ехать. Поэтому утром открыл календарь обратного отсчёта, отсчитал первые выходные дома и начал список. Для краски нужна была машина. Для полки — дрель. Кран можно сделать в любой вечер. Он расставлял дела по порядку, как будто после прилёта ему выдадут участок и попросят закрыть к определённому числу.

У полки он поставил звёздочку. Павел просил её ещё перед прошлым отъездом. Тогда не успели купить крепления, а потом Андрей решил, что за месяц ничего с ней не случится.

— Ты техзадание семье составляешь? — спросил Сергей.

Он сидел через проход и пытался открыть бутылку воды

одной рукой. Вторая была в свежем пластыре от большого пальца до запястья.

— Список.

— Порошок есть?

— Купили тебе порошок.

— Значит, важное закрыто.

Автобус пропустили. Андрей сложил листок вчетверо и убрал за пропуск. Телефон коротко дрогнул в кармане, но у ворот уже вставали. Он показал экран охраннику, прошёл рамку и вместе со всеми направился к бытовкам.

Сообщение было от Ольги. Андрей увидел только начало: «Посмотри, пожалуйста, какой вариант...»

— Ковалёв, давай быстрее, — позвал мастер.

Телефон пришлось убрать.

До обеда они работали на нижней отметке эстакады. Ничего сложного: переносили крепёж, сверяли маркировку, ждали, пока освободят подъёмник. Работа двигалась рывками. Десять минут дела, двадцать минут ожидания, потом сразу всё нужно было делать быстро.

На первом перерыве Андрей открыл сообщение.

Ольга прислала две фотографии с экрана. На первой была таблица с названием курса: расчёт зарплаты и кадровый учёт. На второй — два варианта расписания. По вторникам и четвергам вечером или по субботам почти на весь день.

«Какой удобнее?» — спросила она.

Сообщение пришло почти три часа назад.

Андрей увеличил таблицу. Мелкие буквы расплывались. Он снял очки, протёр краем футболки и попробовал снова. Внизу были перечислены модули, часы, какие-то практические задания. Он хотел написать: «А тебе зачем?» — но стёр. Если прислала, значит, зачем-то надо.

Он пролистал фотографии ещё раз. В первой строке стояло «начисление заработной платы», ниже — отпуска, больничные, приём и увольнение. Андрей знал только, что Ольга работает с накладными, актами и таблицами. Когда у неё что-то не сходилось, она могла вечером открыть ноутбук на кухне и искать разницу в несколько копеек. На вопрос, зачем ей ещё и кадры, она обычно отвечала: «Чтобы всё было моё». Что именно значило «всё», Андрей не уточнял.

«Вечером, наверное. Субботу жалко», — ответил он.

Рядом появился Сергей с двумя бумажными стаканами.

— Тебе без сахара?

— Да.

Сергей поставил перед ним оба.

— Тогда угадай.

В одном кофе был сладкий до липкости. Андрей отдал его Сергею.

Ольга прочитала сообщение, но не ответила. Андрей ещё раз посмотрел название курса. Раньше она говорила, что на работе добавили бумаги. Или собирались добавить. Он не запомнил точно.

«Ты решила учиться?» — написал он.

Сверху уже кричали, чтобы готовили крепёж. Андрей убрал телефон в карман, допил кофе и вернулся на участок.

Ответ пришёл в половине второго, когда они сидели в столовой.

«Пока только узнала. Сегодня у них вводная встреча. В семь».

Следом Ольга прислала: «Выбрала вторник-четверг. По субботам у Паши бассейн, а Дарье иногда нужна машина».

Андрей перечитал оба сообщения. В семь по белорусскому времени он ещё будет на объекте. В половине восьмого сядет в автобус, если не задержат.

«Могу тоже послушать», — написал он.

Ольга ответила почти сразу: «Там просто про программу. Я потом расскажу».

— Что такое? — спросил Сергей.

— Ничего.

— Лицо служебное.

— Жена курс выбирает.

— Вождения?

— Зарплата, кадры.

Сергей подвинул к себе хлеб.

— Полезный человек в семье будет.

— Уже есть.

— Я про тебя и говорил.

После обеда Андрей несколько раз проверял телефон. Ольга ничего больше не писала. Зато в семейном чате появи-

лась фотография от Павла: небольшая деревянная машинка с одним колесом отдельно. Под ней стояло: «сломалась передняя ось».

Андрей приблизил снимок. Машинка была самодельная, грубо выпиленная, с кабиной из фанеры. Такую Павел приносил из школьной мастерской, но раньше Андрей её не видел.

«Не клей пока», — написал он. «Вечером посмотрю».

Павел не прочитал.

Через минуту Андрей добавил: «Сфотографируй снизу».

Ему ответила Дарья: «Он на английском».

«Потом пусть пришлёт».

Дарья поставила большой палец.

Мастер снова позвал их наверх. До конца смены телефон остался в шкафчике.

В автобус Андрей сел одним из последних. У Сергея пластырь почернел по краям, и он осторожно держал руку на каске.

— Размотай, — сказал Андрей. — Там уже вся площадка внутри.

— В медпункте новый дадут только завтра.

— У меня в комнате есть.

— Сам дойду.

— Я знаю. Поэтому и говорю, где есть.

Сергей кивнул и закрыл глаза.

Автобус тронулся. Андрей достал телефон. От Павла при-

шли две фотографии машинки снизу и голосовое на девять секунд.

— Пап, уже сделали. Там гвоздик был кривой. Мама вытащила, а я другой вставил. Крутится.

На второй фотографии машинка стояла на всех четырёх колёсах. Рядом лежали плоскогубцы и маленький молоток. Андрей ещё раз увеличил ось. Гвоздь был толстоват, но держаться будет.

Он нажал запись.

— Нормально. Только конец загнуть надо, а то вылезет. Я приеду — сделаем ось из проволоки.

Подумал и не отправил. Павел уже сделал. Если гвоздь выйдет, тогда и понадобится проволока.

Андрей записал другое:

— Хорошо получилось. Колёса ровно идут?

Павел ответил текстом: «да».

Через секунду добавил: «я уже сдал».

Андрей посмотрел на время. Урок закончился несколько часов назад. Видимо, фотографию Павел отправил ещё до английского, а сеть доставила сразу. Или Андрей увидел поздно. Теперь было всё равно.

Он достал сложенный листок и зачеркнул «полка у Павла». Потом вернул линию рядом: полка к машинке отношения не имела.

В чате Дарья спросила у Ольги, где лежит скан паспорта. Ольга ответила, что в папке «Документы», внутри ещё одна

папка с её именем.

«Зачем?» — написал Андрей.

Дарья прислала ссылку. На странице был логотип какой-то компании и объявление для студентов: помощник отдела логистики, неполная занятость, работа с таблицами и документами. Ни слова «стажировка» в заголовке Андрей не увидел, но ниже оно встретилось дважды.

«Это в Минске?»

«Да. Пока просто заявка».

«Ты проверяла их?»

«Да».

«Где нашла?»

Ответа не было.

Андрей открыл страницу ещё раз. Компания занималась складскими услугами. Адрес был, телефон был, фотографии одинаково улыбающихся людей тоже были. Он скопировал название в поиск. Связь в автобусе пропала на середине загрузки.

Страница застыла на отзывах. Было видно две оценки: пять звёзд и одна. Андрей нажал на единицу, но вместо текста появился белый экран. Он вспомнил Виктора из соседней бригады, у которого брат работал в Минске на складе. Можно спросить, слышал ли тот название. Потом решил сначала дождаться ответа Дарьи. Может быть, речь вообще о другом месте.

Сеть вернулась возле поворота к городку. Загрузились от-

зывы, карта и ещё три сообщения из рабочей группы. Отзыв с одной звездой оказался про шлагбаум: водитель ждал двадцать минут. Андрей закрыл страницу. Для компании это ничего не доказывало, для Дарьи — тем более.

Через пять минут Дарья прислала голосовое. На фоне хлопала дверь и кто-то громко смеялся.

— Пап, нам куратор скинула. Я посмотрела сайт, отзывы и вакансии. Там сначала анкета, потом, может быть, тестовое. Я паспорт не отправляю, только данные для формы. Всё нормально.

Андрей хотел спросить, почему она раньше не сказала. Заявка, наверное, появилась не сегодня. Потом посмотрел на свои сообщения: «Зачем?», «Ты проверяла?», «Где нашла?» — получилось уже достаточно вопросов.

Он написал: «Если дадут тестовое, можешь мне скинуть».

Дарья ответила: «Хорошо».

И следом: «Если там будут трубы».

Андрей улыбнулся.

«В логистике всё когда-нибудь становится трубами».

«Вот поэтому и не скину».

Автобус подъехал к городку. Пока мужчины выходили, Ольга прислала фотографию блокнота. На странице было написано название курса, цена, даты и два вопроса. Один она зачеркнула, возле второго поставила плюс.

«Начинается в апреле. Я оставила заявку, завтра позвонят».

Андрей остановился у дверей автобуса, и человек сзади ткнул его каской в плечо.

— Выходим или живём здесь?

— Выходим.

На улице он набрал Ольгу. Она сбросила и сразу написала. «На встрече. Минут 25».

Значит, вводная уже шла. Андрей сунул телефон в карман и пошёл к корпусу. Сергей догнал его у ступенек.

— Пластырь покажешь?

— После душа зайти.

— Я чистый приду.

— Тогда не узнаю.

В комнате сосед спал перед ночной сменой. Андрей снял ботинки осторожно, не включая верхний свет. Душ был занят. Он сел на край кровати, достал листок и попытался разобрать три утренних пункта. Один оказался «фильтр». Какой фильтр, он не помнил.

Ольга переслала ему файл с программой курса. Двенадцать страниц. Андрей открыл последнюю, нашёл стоимость и срок обучения, потом вернулся к началу. Преподавателей было трое. Возле одной фамилии стояло длинное перечисление должностей, которое ничего ему не сказало. В программе обещали практику на примерах, проверку заданий и итоговую аттестацию.

Он сделал снимок страницы с аттестацией и отправил Ольге: «Вот это спроси. Что дают, если не сдашь с первого

раза».

Она ответила: «Уже спросила. Можно пересдать».

Андрей поставил большой палец. Следом хотел написать про договор и возврат денег, но увидел, что вводная встреча идёт уже двадцать минут. Наверняка договор там тоже покажут.

Телефон засветился. Звонила Дарья.

— Ты можешь говорить? — спросила она шёпотом.

— Могу. А ты почему шепчешь?

— В читальном зале. Я форму заполняю. Тут вопрос: готова ли я работать двадцать часов в неделю во время учёбы.

— А ты готова?

— Не знаю. Поэтому звоню.

Андрей выпрямился. Вот теперь можно было нормально разобраться.

— Смотри. Надо сначала посчитать дорогу. Где у них офис?

— Я посчитала. От общежития сорок минут.

— В одну сторону?

— Да.

— Уже полтора часа сверху. Пары когда?

— У меня расписание открыто.

Дарья зашуршала бумагой и перечислила дни. Андрей взял ручку, перевернул свой листок и записал: понедельник — после трёх, вторник — окно, среда — никак. На четверге Дарья его остановила.

— Пап, я это уже сделала. Я не про часы звоню.

— А про что?

— Если я отмечу «да», а потом пойму, что не тяну, это будет совсем глупо?

Андрей посмотрел на написанные дни.

— Нет. Глупо будет молчать, если не тянешь. А сейчас ты ещё даже не знаешь, позовут ли тебя.

— Вот. Я тоже так думаю.

— Тогда ставь «да».

— Уже поставила.

Он рассмеялся.

— Зачем звонила?

— Проверить.

— Что?

— Что ты скажешь то же самое.

В читальном зале кто-то шикнул.

— Всё, мне нельзя разговаривать. Потом.

— Давай. Если будет тестовое...

— Я помню. Трубы.

Она отключилась.

Андрей сложил листок. На обороте осталось расписание Дарьи, которое она уже посчитала сама. Он не стал его выбрасывать.

Рядом с четвергом он всё-таки подписал: «сорок минут». Получилось аккуратно. Если Дарью позовут, можно будет посмотреть, где теряется время между парами и дорогой.

Она, скорее всего, уже это посмотрела, но цифры на бумаге не мешали.

Из коридора донёсся голос Сергея:

— Ковалёв, медицинская помощь работает?

Андрей открыл дверь, приложил палец к губам и показал на спящего соседа. Сергей так же беззвучно поднял забинтованную руку.

Они ушли на общую кухню. Андрей принёс пластырь, ножницы и антисептик. Под старой повязкой оказался неглубокий порез.

— Жить будешь, — сказал Андрей.

— А работать?

— К сожалению.

Пока Сергей мыл руку, Андрей сходил в душ. Потом они поели на кухне: Андрей разогрел рис, Сергей принёс банку фасоли и долго доказывал жестами, что её нужно делить поровну. Сосед ушёл на смену, так и не проснувшись окончательно.

Ольга позвонила, когда Андрей вытирал стол.

— Всё, освободилась, — сказала она. — Ты ещё не спишь?

— Девять часов только.

— У нас десять.

Она говорила без видео. На фоне работал телевизор, потом звук стал тише.

— Ну как встреча?

— Нормально. Показали кабинет, задания. Нужно решить до пятницы.

— Ты же заявку оставила.

— Это чтобы они перезвонили. Я ещё не оплатила.

— Давай оплачу.

— Если решу, оплатим с общей карты.

— Я могу сейчас перевести.

— Андрюш, деньги там есть.

Он провёл пальцем по краю стола. На клеёнке осталось мокрое пятно, и Андрей вытер его ещё раз.

— А по времени потянешь?

— Не знаю. Два вечера вроде нормально. Там ещё задания.

— По субботам было бы проще.

— По субботам бассейн. И я не хочу весь выходной сидеть перед компьютером.

— Тоже верно.

Ольга помолчала.

— Ты не против?

— С чего мне быть против?

— Ну вот и хорошо.

Он хотел сказать, что мог бы посмотреть программу подробнее. Спросить, кто преподаватели, сколько практики, дают ли документ. Но Ольга уже всё это наверняка спросила на встрече.

— Приеду, могу Пашу в бассейн возить, — сказал он.

— Можешь. Только у него в субботу девятнадцатого соревнования, не забудь.

— Какого девятнадцатого?

— Апреля.

— Я буду дома.

— Поэтому и говорю.

Андрей нашёл ручку и дописал дату на листке.

— Машинку они починили?

— Починили. Он её сегодня сдавал. Там колёса кто быстрее доедет с наклонной доски.

— И как?

— Второй.

— Хорошо.

— Он доволен. Уже спит.

Андрей посмотрел на часы. Он собирался ещё поговорить с Павлом, спросить про машинку, объяснить про ось. Ничего срочного там не было.

— Дарья тебе звонила? — спросила Ольга.

— Звонила. Анкету заполнила.

— Она третий день с ней ходит.

— Третий?

— Наверное. Может, второй. Вчера мне показывала.

— Понятно.

— Она пока никуда не устроилась, — сказала Ольга. — Просто пробует.

— Я знаю.

— Я на всякий случай.

— А если позовут, как она ездить будет?

— На автобусе, как все.

— Там сорок минут в одну сторону.

— Она тебе сказала?

— Посчитали.

— Она вчера маршрут мне показывала. Если пары в новом корпусе, меньше.

Андрей перевернул листок и посмотрел на своё «сорок минут». Про новый корпус Дарья не сказала. Значит, расчёт был не закончен. Это немного его обрадовало.

— Пусть тогда два варианта сделает, — сказал он.

— Скажи ей.

— Скажу.

Из коридора снова выглянул Сергей и показал Андрею кружку. Андрей кивнул на чайник.

— Тебе пора? — спросила Ольга.

— Нет. Сергей тут ходит, организм чай требует.

— Передай организму привет.

— Передам.

— Завтра созвонимся?

— Давай. Во сколько?

Ольга на секунду замолчала.

— Завтра у Паши английский до восьми. Дарья, кажется, в университете допоздна. Я буду дома после половины девятого.

— Тогда в половине девятого.

— Если встреча на работе не затянется. Я напишу.

— Хорошо.

— Спокойной ночи.

— Спокойной.

После звонка Андрей открыл календарь. На девятнадцатое апреля поставил «Паша, бассейн». Потом добавил на завтра: «Оля, после 20:30».

Телефон предложил часовой пояс места. Андрей выбрал белорусское время, чтобы не пересчитывать.

На шестое апреля уже стояло «домой». На седьмое он добавил кран. На двенадцатое — краску, хотя Ольга ещё не сказала, подходит ли ей этот день. Полку поставил на тринадцатое. Получилась почти целая неделя, и ни одного пункта нельзя было считать договорённым.

Андрей убрал краску и полку из календаря. Кран оставил: его точно надо было сделать.

На столе лежал его список. Восемь дел к возвращению, Дарьино расписание на обороте, дата Павловых соревнований внизу. Андрей провёл линию между пунктами, чтобы не смешались.

Пришло сообщение от Ольги: фотография Павловой машинки с бумажной цифрой два на крыше.

Андрей сохранил снимок. Потом поставил будильник и убрал телефон экраном вниз.

Глава 3. Песня, которой не было

В рабочей группе пел начальник участка.

Голос был не его, но слова точно его: про двадцать шестую отметку, потерянную рацию и людей, которые второй день ждут леса. Под голосом играли барабаны и что-то похожее на электрогитару. Песня длилась сорок три секунды.

Андрей прослушал её ещё раз.

Кто-то поставил три смеющихся рожицы. Мастер написал: «Уберите фамилию». Через минуту появилась новая версия, уже без фамилии, зато с хором на словах «верните рацию».

Андрей сидел на кровати в шортах и чистой футболке. После ужина он собирался посмотреть кресло, которое выбрала Дарья, но вкладка с магазином не открывалась. Сосед ушёл играть в карты на кухню. В комнате работал только кондиционер, тихо щёлкая при каждом включении.

Под песней Сергей прислал ссылку.

«Ковалёв, сделай гимн организму».

Андрей ответил: «Организм авторские не выплатит».

Он открыл ссылку. На странице было большое поле для текста, несколько переключателей и кнопка создания песни. Можно было выбрать мужской или женский голос, быстрый или медленный темп, указать общее настроение. Ниже висели примеры, но Андрей не стал их слушать. Он и так понял,

откуда взялся поющий начальник участка.

Сервис попросил войти. Андрей использовал старую почту, потом дважды вводил пароль: в первый раз попал русскими буквами. Бесплатно давали несколько попыток. После счётчика стояло предложение купить месячный пакет, перечёркнутая цена и таймер на четыре часа. Андрей закрыл предложение крестиком. Платить за гимн Сергееву организму он точно не собирался.

Интерфейс был обычный. Такие страницы Андрей видел сотни раз: слева поле, справа настройки, внизу яркая кнопка, которая обещала сделать главное. Непонятно было только, что именно сюда положить, кроме шутки про рацию.

На соседней кровати лежал пакет со свежим пластырем. Андрей переложил его на тумбочку, поставил ноутбук удобнее и набрал в поле:

«Организм требует макарон».

Получилось слишком коротко. Сервис предлагал добавить хотя бы несколько строк.

Андрей закрыл вкладку.

Кресло по ссылке Дарьи всё-таки загрузилось. Серое, с высокой спинкой, на колёсах. В отзывах один человек жаловался, что через месяц заскрипело, другой писал, что ростом сто восемьдесят семь и всё удобно. Андрей нашёл размеры, сравнил с первым вариантом и отправил Дарье: «У этого сиденье на три сантиметра короче».

Она прочитала, но ничего не ответила.

Он ещё немного полистал отзывы. Потом снова открыл вкладку с песней.

Поле осталось пустым.

Где-то у Андрея были старые стихи. Не в телефоне — там хранилось только то, что он снимал последние годы. На домашнем компьютере, возможно, лежала целая папка. Но часть файлов он когда-то переносил с диска на диск, потом загрузил в облако вместе с фотографиями, инструкциями, копиями документов и всем остальным, что было жалко удалить.

Он открыл хранилище и набрал в поиске «стихи».

Нашлись инструкция к стиральной машине, школьный реферат Дарьи и таблица с названием «стихийные расходы». Андрей попробовал «песни». Появились четыре аудиофайла, которые Павел когда-то скачал ему в машину.

Папку он вспомнил по названию: «Старое».

Внутри лежали ещё папки: «Фото», «Документы», «Разобрать», «Разобрать новое» и «С диска». Последняя была создана одиннадцать лет назад. Андрей открыл её и увидел знакомые расширения, которыми давно не пользовался: `.rtf`, `.doc`, несколько файлов вообще без значков.

Эту папку он собирал в ночь перед заменой домашнего компьютера. Старый системный блок начинал гудеть сразу после включения и иногда не видел жёсткий диск. Андрей тогда купил внешний накопитель, перетащил на него всё подряд и пообещал себе разобрать позже. Через несколь-

ко лет накопитель перестал определяться с первого раза, и он загрузил копию в облако. Папки пережили два компьютера, три телефона и один забытый пароль.

Андрей не открывал их годами. Но удалить не мог. Фотографии можно было рассортировать, документы проверить, лишнее выбросить. Со стихами было непонятно: пользы никакой, места почти не занимают.

Названия тоже были знакомые и немного стыдные: «Мы», «Осень», «Не забудь», «Ночь2», «Ночь2новая».

Он усмехнулся и открыл «Ночь2новая».

Файл не загрузился. Сервис предложил скачать его. Андрей скачал, выбрал программу, подождал. На экране появились вопросительные знаки и квадраты.

— Отлично, — сказал он.

На кухне кто-то громко потребовал пересдать. Ему ответили, что поздно.

Андрей попробовал открыть файл через другой редактор. Квадраты остались, но между ними проступили отдельные слова. Он сменил кодировку и получил текст.

Наверху стояла дата: ноябрь 2002 года.

Дата была проставлена внутри документа, вручную. В свойствах файла значился 2014-й — ночь большого копирования. Андрей проверил ещё раз, будто двенадцать лишних лет могли что-то изменить.

Дальше шли четыре куплета и припев. Андрей помнил первый куплет раньше, чем дочитал его глазами:

> Дождь рисует на старом стекле> То ли реку, то ли доро-
гу.> Если ты не ответишь мне,> Я тебя подожду у порога.

Он откинулся к стене.

Стихотворение было про девушку, которой не существовало. Точнее, девушки существовали, но ни одна не стояла у того порога и не заставляла его ждать под дождём. Андрей написал текст в двадцать лет, поздней осенью. Ему тогда казалось, что песне обязательно нужны дождь, дорога и человек, который не отвечает.

В третьем куплете появлялась луна. В четвёртом — вокзал.

— Полный комплект, — сказал Андрей.

Он прочитал до конца. Некоторые рифмы держались только потому, что слова стояли в неправильном порядке. Одну строку он не понял вообще, хотя точно написал её сам.

Текст всё равно не хотелось закрывать.

Когда-то Андрей показывал его другу, который умел брать на гитаре пять или шесть аккордов. Они два вечера пытались придумать мелодию. Друг начал играть, Андрей вступал не там, оба сбивались и переходили на чужие песни, которые знали лучше. Потом друг уехал, гитара осталась у его брата, а файл переходил с одного компьютера на другой.

В первый вечер Андрей принёс распечатанный текст. Принтер полосил, поэтому несколько букв пришлось дописать ручкой. Друг поставил лист на табурет, прижал пе-

пельницей и сказал, что припеву нужен другой размер. Что такое размер, Андрей примерно понимал, но переделывать отказался. Во второй вечер они записали на кассету секунд тридцать. На записи громче всего щёлкала кнопка магнитофона. Кассету Андрей потом потерял.

Он никогда не искал другого музыканта. Для этого пришлось бы звонить незнакомому человеку, объяснять, чего он хочет, показывать слова. Потом платить за запись, где-то находить голос. Желание было недостаточно важным для всех этих действий, но время от времени Андрей вспоминал именно этот текст и думал: когда-нибудь.

Андрей выделил первый куплет и припев. Потом добавил второй. Четырёх куплетов было много даже для терпеливого человека.

Вернулся на страницу. Вставил текст.

В настройках выбрал медленный темп и мужской голос. Поле «настроение» заставило его задуматься. «Грустное» звучало слишком просто. Он написал: «спокойная песня под акустическую гитару, без пафоса».

Слово «пафос» сервис, похоже, не понял.

Полоса дошла до конца примерно за минуту. Андрей успел проверить семейный чат. Ольга напомнила Дарье про документы, Павел прислал фотографию пустой тарелки с подписью «организм». Видимо, Сергей всё-таки добрался до семьи через Андрея. Он поставил Павлу смеющуюся рожицу.

Полоса замерла на девяноста восьми процентах. Андрей подождал. Потом открыл кресло, снова вернулся к песне. На странице ничего не изменилось. Он уже решил, что бесплатная попытка закончилась вместе со связью, когда экран мигнул и показал обложку: ночное шоссе, мокрый асфальт, человек спиной. Картинка была настолько подходящей ко всему сразу, что Андрей закрыл её ладонью и нажал на кнопку под ней.

На странице появилась кнопка воспроизведения.

Андрей достал наушники из тумбочки. Один провод зацепился за зарядку, телефон упал на одеяло. Пока распутывал, песня уже начала играть через динамики ноутбука.

Он быстро остановил её и вставил наушники.

Сначала прошёл короткий гитарный перебор. Потом вступил низкий голос, такой серьёзный, будто собирался сообщить о закрытии шахты.

Первую строку он растянул почти на десять секунд. На слове «стекле» ударение оказалось правильным, зато «реку» голос почему-то пропел как «рекууу», с подъёмом в конце. Перед припевом добавились барабаны. К вокзалу песня уже разрослась до торжественного рок-марша.

Андрей снял один наушник и засмеялся.

В дверях появился сосед.

— Ты чего?

— Ничего.

— Наши выигрывают?

— Не наши.

Сосед пожал плечами, взял с тумбочки сигареты и ушёл на лоджию.

Андрей дослушал. В конце голос дважды повторил последнюю строку и замер на слове «порог», пока музыка ещё несколько секунд изображала большое завершение.

На странице под песней стояло автоматически придуманное название — «У порога дождя». Андрей прочитал его вслух и поморщился.

— Уже лучше меня пишешь, — сказал он ноутбуку и сразу почувствовал себя глупо.

Он открыл исходный текст. Первый куплет помещался на экране целиком. В песне слова растянулись так, что Андрей не сразу заметил: сервис повторил вторую строку дважды, а одну половину припева пропустил. Никакого замысла в этом не было — просто не справился.

Он сохранил файл. Назвал «Ночь_1», хотя песня была скорее про вокзал, дождь и всё сразу.

Первая попытка получилась смешной. Но слова прозвучали. Не в его голове, не прочитанные с экрана — кто-то их спел. Неправильно, слишком низко, с лишними барабанами, но спел.

Андрей вернул начало и снова послушал первый куплет.

На этот раз он не смеялся. Узнал паузу после второй строки. Когда писал, именно там и представлял вдох, хотя никакой мелодии у него тогда не было. Сервис угадал случайно.

Или такая пауза сама напрашивалась. Неважно.

Он открыл настройки второй версии.

Убрал слова «грустная» и «рок». Оставил акустическую гитару, добавил ровный темп, обычный мужской голос и попросил без барабанов. Текст сократил до двух куплетов и припева. Луну вычеркнул. Вокзал оставил: без него разваливалась рифма.

Строку, которую не понял, удалил целиком. В другом месте переставил два слова обратно в нормальный порядок. Рифма стала хуже, зато человек хотя бы мог так сказать. Потом Андрей вернул прежний вариант. Если уж проверять песню, то с тем текстом, который пролежал двадцать два года, а не с исправленным сегодня.

Он прослушал начало первой версии ещё раз и поставил курсор после слов «без пафоса». Может быть, сервис воспринимал отрицание наоборот. Андрей заменил фразу на «сдержанно». Потом стёр и её. Остались темп, гитара и голос.

На слове «создать» задержал палец.

За стеной заработал душ. В коридоре хлопнула дверь. Кто-то включил телевизор на кухне. Был обычный пятничный вечер, и завтра Андрей снова вставал по будильнику.

Он нажал кнопку.

Вторая версия готовилась дольше. Связь пропала на девяноста трёх процентах. Андрей подождал, обновил страницу и увидел, что всё сохранилось.

Новая песня началась без вступления. Голос был выше и

моложе, чем Андрей выбрал бы сам. Гитара играла четыре простых аккорда. В первой строке вокалист проглотил слово «старом», зато дальше не торопился и не пытался превратить текст в гимн.

Андрей отодвинул ноутбук дальше и лёг поперёк кровати, оставив ноги на полу. Так звук не становился лучше, но экран перестал мешать. Он слушал, не следя за бегущими строчками. На втором куплете пришлось снова сесть: голос неожиданно правильно разделил длинную фразу, о которую они когда-то спотыкались с гитарой.

Припев Андрей почти не помнил. Он смотрел на слова и ждал следующую строку, но голос успевал раньше. А потом дошёл до места, которое Андрей помнил точно:

> Просто дождь остаётся дождём,> Даже если мы долго не спим.

Вторая строка была слабая. Андрей знал это и в двадцать лет, поэтому, наверное, и создал файл «новая». Но теперь её пропели без издёвки и без торжественности. Как обычную строку в обычной песне.

Он остановил воспроизведение.

На экране было две минуты сорок одна секунда. Рядом кнопки: скачать, создать вариант, поделиться.

Андрей посмотрел на дату старого файла. Двадцать два года и четыре месяца. Больше половины его жизни текст пролежал в папках, которые назывались «Старое» и «Разобрать».

Сегодня он потратил на него меньше часа.

Он снова включил припев.

Слова не стали лучше. Голос местами звучал чужим и пластмассовым. В одном месте гитара дёрнулась, будто музыкант задел струну рукавом. Андрей отметил про себя, что можно попробовать другой темп и исправить строку про сон.

При втором прослушивании он уже знал, где голос проглотит слово и где слишком рано вступит гитара. На третьем вернул один фрагмент назад — не весь припев, только две строки. Потом ещё раз. Время на панели каждый раз пере-скакивало с минуты сорок семь на минуту тридцать девять.

Кнопка «создать вариант» была рядом.

Он не нажал.

Сначала сохранил вторую песню на ноутбук, потом скопировал в облачную папку рядом со старым текстом. Файл называл «Ночь_2_28-03-2025». После этого переименовал старый документ из «Ночь2новая» в «Текст_2002», чтобы не путаться.

В мессенджере Андрей открыл чат с Ольгой. Последним сообщением была фотография из магазина: две банки краски и вопрос, какая светлее. Он набрал: «Смотри, что сделал».

Рядом с полем появилась скрепка. Андрей выбрал песню. Файл загрузился и встал под сообщением, готовый к отправке.

Он представил, как Ольга включает его утром на кухне.

Или вечером, между Пашиным английским и своими заданиями. Спросит, когда он это написал. Засмеётся над вокзалом. Может, скажет, что первая банка всё-таки светлее.

Андрей удалил вложение. Потом стёр и текст сообщения. Он закрыл чат и включил файл с ноутбука.

Сосед вернулся с лоджии, лёг на свою кровать и открыл телефон. Андрей убавил громкость в наушниках, хотя наружу и так ничего не было слышно.

— Завтра во сколько? — спросил сосед.

— Как обычно.

— Автобус не переносили?

Андрей проверил рабочую группу. Между гимном участка и фотографией ужина мастер написал время выезда.

— Без десяти шесть.

— Поставь будильник погромче.

— Поставлю.

Песня закончилась. Андрей снял наушники, подключил телефон к зарядке и выставил будильник на 5:25.

Потом проверил, сохранился ли файл.

Сохранился.

Глава 4. Возвращение в готовую жизнь

Чемодан появился последним.

Андрей стоял у ленты в расстёгнутой куртке и смотрел, как мимо третий раз проезжает одна и та же синяя сумка с жёлтым ремнём. Людей вокруг становилось меньше. Телефон в кармане уже дважды коротко дрогнул.

Он не доставал. Стоило отвернуться, и чемодан обязательно проехал бы мимо.

Наконец показался серый угол, потом зелёная лента на ручке. Андрей снял чемодан, проверил боковой карман и только тогда посмотрел сообщения.

«Мы на парковке», — написала Ольга.

Следом Павел: «где ты».

И ещё через минуту: «мы замёрзли».

Андрей ответил: «Иду».

В тамбуре он застегнул куртку. После Египта апрель оказался холоднее, чем обещало приложение. На парковке блеснул мокрый асфальт, между машинами лежали серые полосы старого снега. Андрей катил чемодан по плитке, колёса стучали на каждом шве.

Павел увидел его первым. Выскочил из-за машины, пробежал несколько шагов и остановился, будто в последний мо-

мент вспомнил, что ему уже одиннадцать.

Андрей бросил ручку чемодана и обнял его. Павел сначала ударился лбом ему в грудь, потом сжал обеими руками так, что под курткой хрустнула молния.

— Ну ты тяжёлый стал.

— Я тебя не поднимал.

— Я про себя.

Павел засмеялся и сразу потянулся к чемодану.

— Что там?

— Носки. Рабочие.

— А мне?

— Тоже носки.

Ольга подошла, пока Павел пытался поднять чемодан за боковую ручку. На ней была короткая тёмная куртка, которой Андрей не помнил, и вязаная шапка. Она улыбалась, но ничего не сказала. Андрей обнял её, почувствовал холодную ткань на плечах и знакомый запах крема для рук.

— Привет, — сказала Ольга ему в воротник.

— Привет.

Она отстранилась, посмотрела на него и провела пальцами по щеке.

— Худой.

— Кормят плохо.

— Сергей всё съедает?

— Организм требует.

Ольга поцеловала его ещё раз, быстро, уже без шапки

между ними.

Дарья ждала возле машины. Она убрала телефон в карман и пошла навстречу. Андрей обнял её осторожнее, чем Павла, но Дарья сама прижалась крепко и похлопала его по спине.

— С приездом, пап.

— Спасибо. Ты чего не бежала?

— Я взрослая.

— Павел тоже так думал.

— Я не бежал, — сказал Павел. — Я быстро шёл.

Ольга открыла багажник.

— Давайте быстро идти. Тут стоянка платная.

Чемодан не помещался. В багажнике лежали складной ящик, бутылка омывателя, Павлова спортивная сумка и два пакета с продуктами. Андрей попробовал поставить чемодан боком, потом вынул ящик.

— Я же говорила сумку убрать, — сказала Ольга.

— У меня завтра бассейн, — ответил Павел.

— Завтра понедельник.

— Значит, послезавтра.

Андрей уложил чемодан поперёк, ящик поставил сверху. Пакеты пришлось взять в салон.

— Всё, — сказал он.

— Нет, — сказала Дарья. — Я сзади с пакетом не помещусь.

Переложили ещё раз. Павел держал спортивную сумку на коленях, Дарья — один пакет, второй поставили Андрею под

ноги. Ольга выехала со стоянки и только у шлагбаума спросила:

— Ты нормально вообще?

— Нормально. Спать хочу.

— Дома поспишь.

— Не буду. День пропадёт.

— Как хочешь.

Павел сзади уже расстегнул молнию чемодана на несколько сантиметров.

— Закрой, — сказал Андрей.

— Я только посмотреть.

— На носки?

— Вдруг ты врёшь.

По дороге Павел рассказывал про машинку. Оказалось, второе место он получил не за скорость, а за то, что она единственная доехала до конца три раза подряд. Самой быстрой была другая, но на втором запуске у неё отвалилось колесо.

— Значит, у тебя первое по надёжности, — сказал Андрей.

— Такого места не было.

— Плохо организовали.

Дарья наклонилась между сиденьями.

— Пап, послезавтра кресло привезут. Если позвонят днём, ты дома будешь?

— Буду. А старое куда?

— Я его Насте отдам.

— Уже договорились?

— Да. Она сама заберёт.

— Хорошо.

Андрей хотел спросить, почему не выбрали кресло с более длинным сиденьем. Потом посмотрел на Дарью: она уже снова читала сообщение в телефоне. Спросит дома.

— Тебе по анкете ответили? — спросил он.

— Прислали маленькое задание. До завтра.

— Сделала?

— Почти. После обеда с Настей встречусь, она посмотрит английский.

— Сегодня?

— Мы договаривались до того, как узнали время твоего прилёта. Я недолго.

— Да нормально. Покажешь потом задание?

— Покажу.

Она сказала это легко, без защиты. Андрей повернулся обратно. Ольга включила поворотник, пропуская автобус.

— А курс? — спросил он у неё.

— Начался в четверг. Сегодня надо первое задание отправить.

— Уже начался?

— Я же писала.

— Писала, что с апреля.

— Вот апрель и наступил.

Она улыбнулась, не отрывая взгляда от дороги. Андрей

тоже засмеялся. Четыре дня апреля действительно успели наступить без его отдельного разрешения.

За окном тянулись заправки, склады, мокрые поля. Потом пошли знакомые остановки. У одной поставили новый павильон, прозрачный и уже заклеенный объявлениями. Возле магазина, где они обычно покупали продукты на неделю, парковка была заполнена. Андрей посмотрел на вывеску и вспомнил, что хотел взять домой минеральной воды, хотя под ногами у него стоял полный пакет еды.

— Мы заезжать никуда не будем? — спросил он.

— А надо? — Ольга кивнула на пакет.

— Воды хотел купить.

— Дома есть упаковка.

— Тогда не надо.

Павел наклонился вперёд между креслами.

— А мороженое?

— И мороженое есть, — сказала Ольга.

— Я просто проверял.

Во дворе Андрей первым заметил свободное место возле подъезда и показал рукой. Ольга проехала дальше.

— Там лужа под пассажирской дверью.

Она поставила машину с другой стороны дома. Андрей вышел, оглянулся на первое место и увидел тёмную воду почти до бордюра. Из салона этого не было видно.

Дома Павел первым открыл дверь и закричал из прихожей:

— Мам, куда мои тапки делись?

— На тебе.

Павел посмотрел вниз.

Андрей внёс чемодан и остановился, потому что не понял, куда поставить. Справа от двери раньше стояла узкая тумба для обуви. Теперь там был высокий шкаф с зеркалом, а свободное место осталось только возле прохода на кухню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.